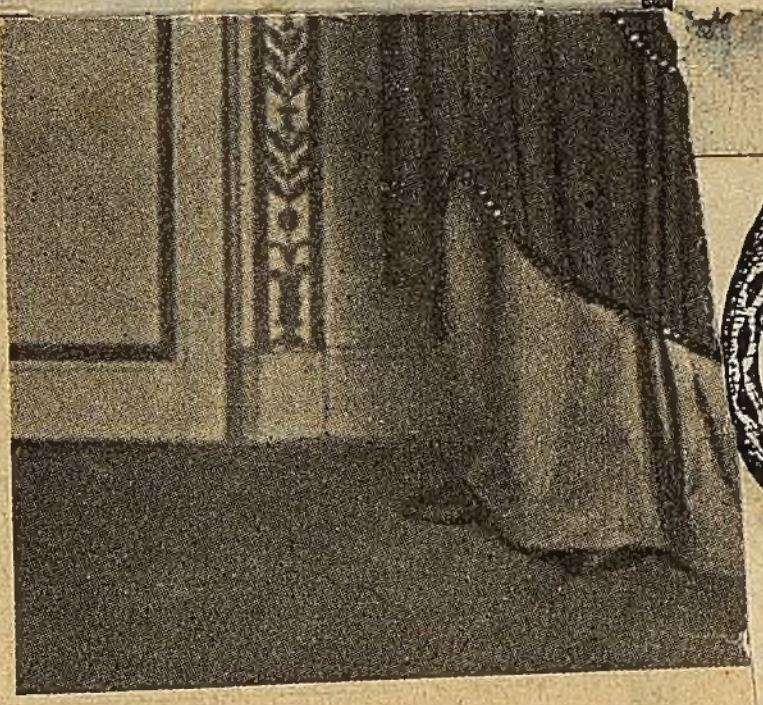
RXIX
B39

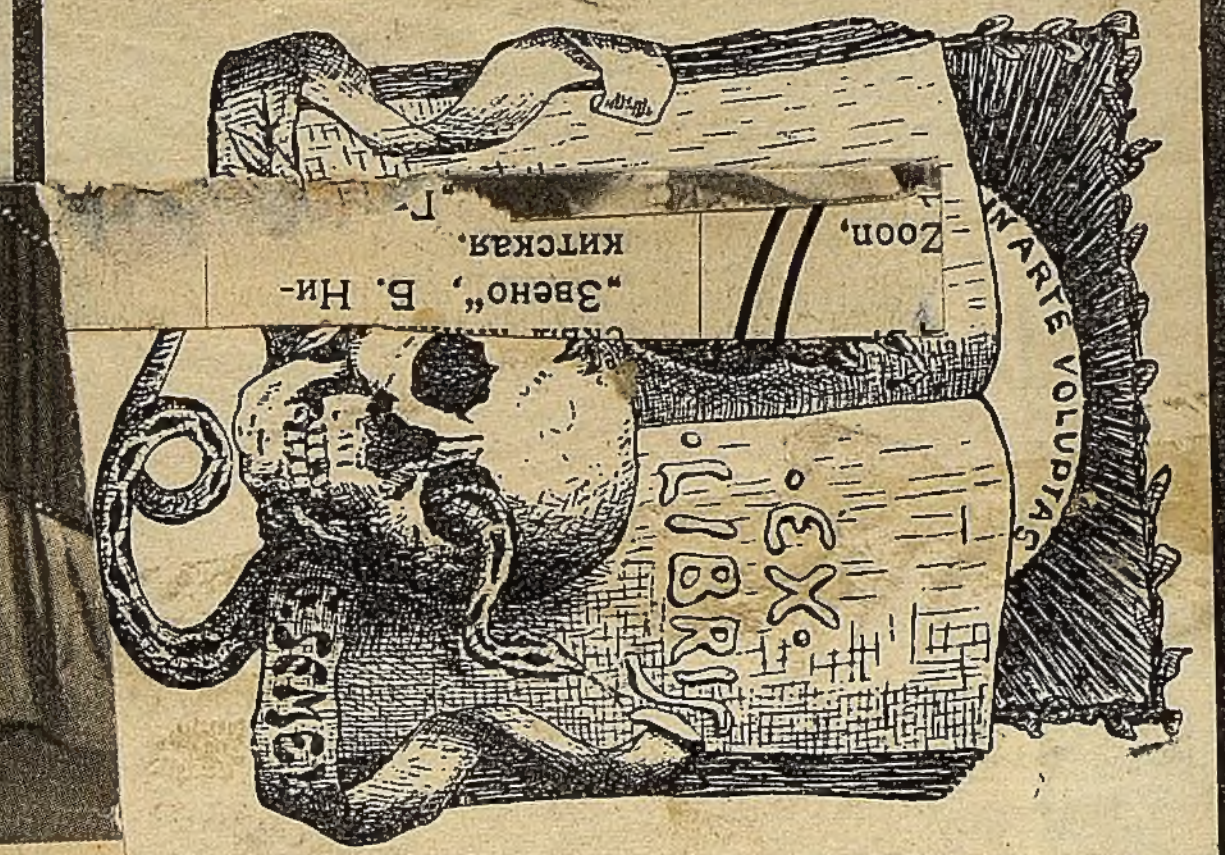
23330 Х



Костюмъ по рис. Поля Пуарэ.

ваетъ на стремленіе къ возрожденію
бы выявить въ полной яркости
нибудь старинную египетскую дра
ность, сотворено цѣлое платье: на
вый атласъ ниспадаетъ двойная
зеленой бронзы, окаймленная об
„vieil or“, на поясѣ, закрѣпленномъ
красной пряжкой, рисуется роза ма
золота во всемъ ея скромномъ и н
стилѣ.

Помѣщая нѣсколько рисунковъ дам-



Цѣна 2 р. 25 к., съ перес.
Опт. продажа у Т-ва А. РА
въ Москвѣ и отдѣленія

13.369 № 6193.
5к
19 20/1 11

Общество Распространенія Начальн. Образов. въ Нижегор. губ.

Ч. ВѢТРИНСКІЙ.

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО

и

ОСВОБОЖДЕНІЕ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

съ 6-ю портретами.

233297

Изданіе 2-е.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ
Типо-Литографія „Нижегородское Печатное Дѣло“
1911.

I.

Начало крѣпостного права.

Въ древнѣйшія времена Руси крестьяне были свободными, самостоятельными земледѣльцами-собственниками. Съ теченіемъ времени рядомъ съ ними явились и крупные землевладѣльцы: князья, бояре и духовенство (монастыри). Княжескія усобицы, нашествія кочевниковъ и въ особенности нашествіе татаръ постоянно раззоряли свободныхъ мелкихъ земледѣльцевъ, гнали ихъ съ одного мѣста на другое. Земледашцамъ приходилось садиться на чужихъ земляхъ, гдѣ землевладѣлецъ давалъ пріютъ и средства завести новое хозяйство. Мало по малу всѣ крестьяне превратились въ арендаторовъ, пользователей чужой земли.

Садясь на новую землю, крестьянинъ получалъ кое какія льготы отъ владѣльца земли, освобождался на время отъ платежа государственныхъ податей и отъ

оброка и получалъ ссуду, „подмогу“, деньгами или лѣсомъ, сѣменами и пр., которую долженъ былъ выплатить съ лихвою. Порядившись въ крестьянство, поселенецъ оставался еще свободнымъ и имѣлъ право перейти къ другому землевладѣльцу, но предварительно долженъ былъ выполнить всѣ обязательства и заявить „отказъ“ въ указанный закономъ срокъ, именно по окончаніи осенних работъ въ теченіе недѣли до и послѣ Юрьева дня. Этотъ день былъ днемъ передвиженія по всей Руси крестьянъ съ земель одного владѣльца къ другому. Память о немъ сохранилась въ извѣстной поговоркѣ „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“—такія слова, вѣроятно, не разъ вырывались у крестьянъ, когда они противъ своего желанія были удерживаемы владѣльцемъ. Удерживали крестьянъ чаще всего за долги, которыми опутывали поселенцевъ. Къ концу XVI вѣка повсемѣстно крестьяне такъ задолжали, что о свободныхъ переходахъ уже не было рѣчи. Многіе при томъ, чтобы не платить государственныхъ налоговъ, шли въ холопы, т. е. въ рабы.

Этому „прикрѣпленію“ крестьянъ содѣйствовали и мѣропріятія правительства. Московское государство росло и ширилось

среди непрерывныхъ войнъ. Защищать государство, служить въ войскѣ и участвовать въ походахъ долженъ былъ служилый (дворянскій) классъ. Въ обезпеченіе службы, то есть, чтобы дворянинъ являлся на службу съ требуемымъ числомъ ратниковъ, ему, вмѣсто жалованья, давалось помѣстье. Доходы съ помѣстья были неопредѣленны и неустойчивы, пока крестьяне могли свободно переходить отъ одного помѣщика къ другому. Поэтому и для землевладѣльцевъ и для правительства нежелательна была свобода передвиженій крестьянства. Задолжавъ до невозможности выбраться изъ долговъ, крестьяне стали „брести врозь“, разбѣгаться во вновь присоединяемыя къ государству окраинныя земли, въ степи и Поволжье. Эти побѣги чрезвычайно усилились къ концу XVI вѣка. Тогда правительство издаетъ рядъ указовъ, которыми стремится остановить это движеніе. Чтобы такъ или иначе обезпечить исправное отбываніе повинностей, государство крѣпко связываетъ крестьянъ съ нужными ему служилыми людьми.

Съ XVII вѣка крестьяне собственно и становятся „крѣпостными“, т. е. закрѣпленными за какимъ нибудь землевладѣльцемъ.

Ни имущественныя, ни личныя права крѣпостныхъ ничѣмъ не были ограждены по закону, все было дѣломъ установившихся обычаевъ. Съ самаго начала XVII вѣка владѣльцы по собственному желанію свободно мѣняютъ, дѣлятъ, переводятъ съ одной земли на другую своихъ крестьянъ; вѣроятно, начинаютъ и продавать ихъ. Изстари помѣщикъ чинитъ судъ и расправу въ своихъ владѣніяхъ, по своему произволу опредѣляетъ повинности и т. д.

Съ теченіемъ времени обычныя права помѣщиковъ надъ личностью крестьянъ разростались и были признаны закономъ. Росло и число крѣпостныхъ. При Петрѣ Великомъ окончательно были сравнены прежнія отличія между крестьянами. Къ крѣпостнымъ были присоединены, чтобы никто не уходилъ отъ налоговъ, прежніе холопы. Старинное, свободное населеніе—„гулящіе“ люди—до Петра свободно рядились въ крестьяне, теперь они должны были или идти въ военную службу, или приписаться въ крѣпостную зависимость къ тому, кто ихъ приметъ, или, наконецъ, быть сосланы на поселеніе. Прежніе разряды свободныхъ крестьянъ (черносошныхъ и др.) сдѣланы были крестьянами „государственными“.

Теперь помѣстья стали уже полной собственностью помѣщиковъ вмѣстѣ съ крѣпостными. При томъ право владѣть населенными недвижимыми имѣніями стало особливымъ правомъ одного дворянства, прежнія же права крестьянъ быстро исчезаютъ. Крестьяне, напр., лишаются права свободно отправляться на промыслы, имъ запрещается вступать отъ своего имени въ подряды и брать откупа; въ 1741 году они устраняются отъ присяги на вѣрность Государю; въ 1747 году разрѣшается продавать крестьянъ и дворовыхъ въ рекруты; въ 1760 г. дозволено ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь, и т. д.

Въ концѣ концовъ всякое различіе между крестьянами и холопами или дворовыми, какъ ихъ теперь стали называть, изгладилось. Крѣпостное право помѣщиковъ стало почти настоящимъ рабствомъ крестьянъ, и это—какъ разъ въ то время, когда дворянство освободилось отъ обязательной службы, которая нѣкогда была условіемъ владѣнія помѣстьями, а слѣдовательно и крестьянами. Это было въ царствованіе Императрицы Екатерины II. При ней дворянамъ щедро раздавались населенныя имѣнія, изъ разряда государственныхъ крестьянъ, и закрѣпощены были малороссійскіе крестьяне.

II.

Права помѣщиковъ и крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ это время помѣщикъ какъ бы получилъ надъ своими крѣпостными часть власти государства надъ его подданными. За то онъ отвѣчалъ передъ правительствомъ за правильные взносы государственныхъ платежей и за исполненіе повинностей крестьянами и долженъ былъ заботиться о продовольствіи крѣпостныхъ во время голода и помогать имъ въ несчастныхъ случаяхъ.

На крѣпостныхъ своихъ владѣлецъ по закону имѣлъ право налагать всякія работы, взимать оброкъ и требовать личныхъ повинностей, съ ограниченіемъ лишь, чтобы крестьяне не претерпѣвали черезъ то раззореніе. Крестьяне обязывались работать на помѣщика три раза въ недѣлю и не могли быть принуждаемы къ работамъ лишь въ воскресные дни и извѣстные праздники. Владѣлецъ могъ отдавать крѣпостныхъ постороннимъ лицамъ

въ услуженіе, для обученія ремеслу или на воспитаніе (съ единственнымъ ограниченіемъ не отдавать крѣпостныхъ людей на работу на горные заводы). То количество земли, какое помѣщики должны были давать крестьянамъ, не было указано опредѣленно; не было ограничено закономъ и количество возлагаемой на нихъ работы. Помѣщикъ имѣлъ право переводить крестьянъ—во дворъ, для личныхъ услугъ и для не крестьянской работы, а дворовыхъ садить на пашню. Помѣщики имѣли также право переселять крестьянъ порознь или отдѣльными селеніями какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ и въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ.

Самою тяжкою принадлежностью крѣпостного права было право помѣщика на куплю и продажу крѣпостныхъ. Торговали людьми широко, наравнѣ съ вещами или домашними животными, ихъ вывозили на продажу на ярмарки, дѣтей продавали врозь отъ родителей и т. п., вопреки нѣкоторымъ ограниченіямъ закона на этотъ счетъ.

Далѣе крѣпостной въ сущности не имѣлъ права собственности. Недвижимую собственность крестьяне могли пріобрѣтать лишь на имя помѣщика, или съ согласія его. А движимая ничѣмъ не была защищена, и состоя-

тельные крестьяне тщательно скрывали свои средства. Крестьянинъ не могъ уходить изъ имѣнія безъ разрѣшенія господина, переходить въ другое сословіе, поступать въ военную службу, иначе какъ по волѣ и согласію господина, ставившаго рекрутъ. Не могъ вступать въ бракъ по собственному выбору и желанію. Помѣщикъ имѣлъ надъ нимъ право суда, довольно широкое: общимъ судамъ крестьянинъ былъ подчиненъ лишь по уголовнымъ дѣламъ и отчасти въ дѣлахъ гражданскихъ, хотя искать на судѣ къ постороннимъ лицамъ могъ лишь съ разрѣшенія помѣщика. Помѣщики являлись по закону ходатаями по дѣламъ своихъ крѣпостныхъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Отъ воли помѣщика крестьянинъ всецѣло зависѣлъ и тогда, когда хотѣлъ дать своимъ дѣтямъ образованіе, а сверхъ того крѣпостныхъ совсѣмъ запрещалось принимать въ гимназіи и университеты (съ 1827 года).

Столь широкія права надъ личностью крѣпостныхъ помѣщикъ поддерживалъ принадлежавшимъ ему правомъ суда и наказаній надъ ними.

Страхъ суровыхъ наказаній постоянно тяготѣлъ надъ крѣпостными. Помѣщикъ могъ

ссылать за различные простушки крестьянъ въ Сибирь и даже на каторгу (въ законѣ не было указано за что именно), при чемъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію; съ ссылаемымъ отпускалась женаа а малолѣтнихъ дѣтей помѣщикъ могъ оставить себѣ. Могъ помѣщикъ опредѣлять провинившихся и въ солдаты. Для поддержанія порядка и повиновенія среди крестьянъ помѣщику предоставлялось употреблять *домашнія* средства исправленія и наказанія *по его усмотрѣнію*, лишь бы только не было опасности для жизни и увѣчья крѣпостного; если хотѣлъ, помѣщикъ могъ просить о наказаніи полицію. Онъ могъ также посадить виновнаго въ смирительный или рабочій домъ, и т. д.

Возмущеніе противъ помѣщиковъ и управляющихъ приравнивалось закономъ къ возстанію противъ властей. Въ 1767 году крестьянамъ было даже запрещено подавать жалобы и челобитныя на помѣщиковъ подъ угрозой наказанія кнутомъ и безсрочной ссылки въ Нерчинскъ на каторжныя работы. Это наказаніе постепенно смягчалось, но и по уложенію 1845 года крѣпостные за подачу жалобы на помѣщика подвергались наказанію розгами до пятидесяти ударовъ.

Такъ, помѣщикъ надъ крѣпостнымъ

„могъ“ одно, другое и третье, а крестьянинъ обязанъ былъ лишь безусловнымъ повиновеніемъ. Немногочисленныя ограниченія правъ помѣщиковъ, какія были въ законѣ, оставались большей частью мертвою буквой: отвѣтственность за нарушеніе этихъ ограниченій была очень неопредѣленна и весьма незначительна. Да и тогдашній продажный судъ творился канцелярски, въ потемкахъ, склонялся всегда на сторону сильнаго, и крестьянину трудно было добиваться правды. Раскрытіе злоупотребленій помѣщичьей власти было, вдобавокъ, возложено на земскую полицію, которая выбиралась дворянствомъ и зависѣла отъ него, и на предводителей дворянства, и они нерѣдко сквозь пальцы смотрѣли на вопіющія злоупотребленія.

Пересказывать объ этихъ злоупотребленіяхъ нѣтъ возможности въ краткомъ разсказѣ. Людскимъ потомъ, слезами и кровью была полита русская земля за долгіе годы крѣпостного рабства.

Сплошь и рядомъ крестьяне были обременены непосильной работой, полевой или въ барской усадьбѣ, непосильными оброками и повинностями. Купля и продажа людей производилась, какъ сказано, въ обходъ закона и правилъ. Барскій капризъ нерѣдко раззорялъ

людей. Огромное число злоупотребленій и гнусныхъ преступленій было связано съ правомъ помѣщиковъ на разрѣшеніе браковъ, и позорный развратъ многихъ помѣщиковъ безславилъ крестьянскихъ женъ и дѣвушекъ. Жестокія наказанія, истязанія, розги, палки, колодки, все, что можетъ выдумать человѣческое звѣрство—все найдется въ безчисленныхъ разсказахъ о мрачныхъ временахъ крѣпостного права.

„Я долженъ сказать съ прискорбіемъ —говорилъ объ этомъ Государь Николай I въ рѣчи петербургскимъ дворянамъ 21 марта 1848 года:—что у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ“, и напоминалъ имъ: „при духѣ времени, кромѣ предписаній совѣсти и закона, вы должны для собственнаго своего интереса заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ вамъ людей и стараться всѣми силами снискать ихъ любовь и уваженіе“... Уже эти напоминанія верховной власти показываютъ, какъ въ дѣйствительности обстояло дѣло...

III.

Крѣпостные крестьяне предъ освобожденіемъ.

Передъ освобожденіемъ крестьянъ общее число крѣпостныхъ было двадцать милліоновъ съ небольшимъ душъ обоего пола собственно крестьянъ и полтора милліона душъ обоего пола дворовыхъ. Вокругъ Москвы настоящимъ чернымъ пятномъ лежали губерніи, въ которыхъ большую часть населенія составляли крѣпостные; напр. на сто душъ населенія въ смоленской губерніи крѣпостныхъ было—70 человѣкъ, въ тульской—69, въ нижегородской—59, во владимирской и костромской—58, ярославской 57, и т. д. Столь же много крѣпостныхъ было въ западныхъ губерніяхъ—могилевской, минской, кіевской, подольской и пр. Чѣмъ дальше отъ Москвы къ сѣверу и востоку, тѣмъ рѣже было крѣпостное населеніе.

При этомъ въ положеніи крѣпостныхъ замѣчалась такая разница: на сѣверѣ было

много крестьянъ оброчныхъ, т. е. обложенныхъ денежными сборами въ пользу помѣщиковъ; на югѣ и въ черноземныхъ губерніяхъ больше барщинниковъ, т. е. работавшихъ „барщину“, обрабатывавшихъ помѣщичью землю по распоряженію и подъ хозяйственнымъ надзоромъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ.

Оброчнымъ крестьянамъ жилось, конечно, легче, чѣмъ обложеннымъ барщиной. Исправно выплачивая оброкъ, какъ бы ни былъ онъ временами тяжелъ, крестьянинъ уже не чувствовалъ надъ собою постояннаго надзора и гнета хозяйской власти и могъ годами даже не видѣть своего барина или управляющаго. Оброчныя повинности развились въ губерніяхъ нечерноземныхъ потому, что земля плохо оправдывала приложенный къ ней подневольный трудъ. Помѣщикъ могъ легко получить больше съ крестьянъ, занятыхъ отхожими промыслами или разной мелкой промышленностью. Отъ этого помѣщики землей здѣсь не очень дорожили, и у крестьянъ было земли сравнительно достаточно.

Въ черноземныхъ губерніяхъ, наоборотъ, земля легко давала хорошій доходъ. Здѣсь помѣщики дорожили ею, обрабатывали сами барщиннымъ трудомъ, крестьянамъ же отво-

дили земли сравнительно меньше, чѣмъ было въ губерніяхъ нечерноземныхъ. Но по плохому качеству земли въ нечерноземныхъ мѣстахъ, а въ черноземныхъ по ея недостаточному количеству, крестьяне и оброчные, и барщинные часто жили очень бѣдно и скудно. У мелкопомѣстныхъ дворянъ крестьянамъ жилось хуже, чѣмъ въ крупныхъ имѣніяхъ. Но вездѣ одинаково крѣпостные были неувѣрены въ завтрашнемъ днѣ.

У оброчниковъ это даже особенно било въ глаза. Оброки все увеличивались. Иногда оброчные крестьяне достигали зажиточности и крупнаго даже богатства. Но помѣщикъ во всякое время могъ потребовать оброчника къ себѣ на барщину, или запретить ему его промыселъ, и это подрывало всякую промысловую дѣятельность. Приведемъ одинъ любопытный примѣръ. Крестьянинъ арзамасскаго уѣзда Николай Шиповъ занимался скупкой скота, имѣлъ пушную лавку и велъ широкіе обороты, но раззорялся нѣсколько разъ изъ за ссоръ съ управляющимъ имѣнія. Побившись нѣсколько времени, Шиповъ бѣжалъ на Кавказъ, и здѣсь снова разжился, но какъ бѣглый былъ пойманъ и опять раззорился. Уѣхалъ въ Бессарабію, завелъ новыя дѣла, но отказали въ присылкѣ паспор-

233292

та, и опять всѐ пошло прахомъ. Избавился отъ этихъ мытарствъ Шиповъ, по его разсказу о своей жизни, необыкновеннымъ способомъ. Былъ законъ, что крѣпостные люди, бывшіе въ плѣну у горскихъ хищниковъ, по выходѣ изъ плѣна, освобождаются на волю со своими семействами. Шиповъ пробрался на Кавказъ, пристроился поставщикомъ къ дѣйствующей арміи, намѣренно, рискуя жизнью и долголѣтнимъ рабствомъ у азіатовъ, попалъ къ нимъ въ плѣнъ, бѣжалъ, и только такимъ родомъ избавился и отъ азіатской и русской неволи.

Въ барщинныхъ имѣніяхъ крестьяне были заняты не только полевыми работами, но часть ихъ—преимущественно дворовые—перерабатывали продукты сельскаго хозяйства. Въ большихъ имѣніяхъ были столяры, кузнецы, портные, сапожники, слесаря, пекаря, и цѣлые разряды людей для забавы и развлеченій: музыканты, актеры, псари и т. д. Съ теченіемъ времени, когда населеніе Россіи размножилось, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ стали являться цѣлыя фабрики. Распространились свеклосахарные, винокуренные заводы, суконныя фабрики. Онѣ работали уже не на удовлетвореніе потребностей помѣщика, но на рынокъ, какъ на рынокъ выбрасывали

хлѣбъ и помѣщичьи хозяйства черноземной полосы. При этомъ, чтобы больше получить дохода отъ фабрики или земли, помѣщики стали мѣстами переводить крестьянъ на мѣсячину, то есть лишали крестьянъ земли, давали имъ мѣсячное жалованье, пищу, одежду и помѣщеніе, и превращали крестьянъ такимъ образомъ въ настоящихъ батраковъ, все время которыхъ принадлежало помѣщику. Положеніе мѣсячниковъ уже ни чѣмъ не отличалось отъ положенія настоящихъ рабовъ.

Очень тяжело бывало положеніе барщинныхъ, но еще тяжелѣе приходилось крѣпостнымъ фабрично-заводскимъ. Здѣсь рабочій находился подъ постояннымъ присмотромъ, вся работа его была на виду. На нѣкоторыхъ вотчинныхъ фабрикахъ работали мѣсячники безо всякой заработной платы. На фабрики и заводы забирали дѣтей съ восьмилѣтняго возраста. Пользованіе трудомъ крѣпостныхъ на вотчинныхъ фабрикахъ было вообще ничѣмъ не ограничено, и крестьяне говорили: „въ этой деревнѣ фабрика“, точно хотѣли сказать: „здѣсь чума“.

Крестьянство, однако, никогда не мирилось съ своимъ подневольнымъ положеніемъ. Съ давнихъ временъ оно бѣгало врозь отъ

помѣщиковъ, при первыхъ слухахъ о возможности устроиться гдѣ-нибудь вольными людьми. Крѣпостные нерѣдко отвѣчали также кровавою местью особо жестокимъ помѣщикамъ, поджогами и т. п., хотя этого рода преступленія карались съ особой суровостью. Весьма часты были въ XVII и XVIII вѣкахъ кровавые бунты; они принимали иногда размѣры, громадные по пространству и опасные для самого существованія государства. Таковы памятные бунты Стеньки Разина и Пугачева. Позднѣе волненія крестьянъ возникали въ началѣ каждаго новаго царствованія, вмѣстѣ со слухами объ освобожденіи. Крестьяне смутно помнили, какъ они попали въ неволю, считали, что разъ свободны отъ государственной службы дворяне, то и они должны стать свободны отъ дворянъ. Правительство очень часто могло возстановлять спокойствіе и повиновеніе помѣщикамъ только силою военнаго оружія. Особенно сильныя волненія произошли во время крымской войны въ 1855 г. Толпы крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ бросали свои жилища и тянулись въ города и столицы съ требованіемъ, чтобы ихъ записывали въ ополченіе, думая тѣмъ избавиться отъ крѣпостной неволи; во многихъ мѣстахъ эти волненія были усмирены съ кровопролитіями.

Такимъ образомъ существованіе крѣпостного права, ненавистнаго двадцати милліонамъ населенія внутренней Россіи, было постоянной угрозой порядку и государственной безопасности. Да оно оказывалось государству неудобнымъ и по другимъ причинамъ.

IV.

Причины отмѣны крѣпостного права.

Крѣпостное право помѣщиковъ препятствовало свободному развитію промышленности въ странѣ. Дешевый трудъ крѣпостныхъ путалъ всякіе разсчеты купцовъ и предпринимателей, которымъ приходилось конкуррировать съ помѣщичьими фабриками и заводами и дешевымъ помѣщичьимъ хлѣбомъ и т. п. Неволя оброчниковъ мѣшала свободной ихъ дѣятельности въ промышленныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ, государственное хозяйство росло и усложнялось, такъ какъ непрерывно росла Россія и населеніе ея умножалось. Однако, крѣпостное населеніе уже не увеличивалось, а съ него то и получалась, въ видѣ подушной подати, значительная часть государственныхъ средствъ. Помѣщики—отвѣтственные за исправное поступленіе податей—вовсе не были очень исправными плательщиками. Съ обѣдненіемъ крестьянъ, обреме-

ненныхъ оброками и повинностями, бѣднѣли и помѣщики, имѣнія ихъ были на половину въ залогѣ у казны, заложено было свыше половины крѣпостныхъ. Государству нужно было искать новые источники доходовъ, которые можно было бы найти въ промышленности. Надо было приводить въ порядокъ финансы (государственныя средства). А крѣпостное право было всему помѣхой. При немъ не могло развиваться также образованіе и просвѣщеніе народа. Не могло быть рѣчи объ улучшеніи порядковъ управленія, объ уничтоженіи язвы тогдашняго быта—повальнаго взяточничества чиновниковъ—продажности суда и проч., потому что неравенство и произволъ были неизбѣжны при крѣпостномъ правѣ, человѣческихъ правъ были лишены милліоны народа.

Начиная съ Александра I, правительствомъ принимаются разнообразныя частичныя мѣры, ограничивавшія произволъ помѣщиковъ. Запрещалась напр. торговля людьми на ярмаркахъ и въ розницу отъ семействъ; были введены законоположенія, облегчавшія крѣпостнымъ выходъ на свободу (указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г.). При императорѣ Николаѣ I, въ теченіе его тридцатилѣтняго царствованія, засѣдало девять сек-

ретныхъ комитетовъ, обсуждавшихъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Но дѣло серьезно не двигалось. Оно казалось черезъ чуръ сложнымъ и опаснымъ.

Защитники крѣпостного права доказывали, что невозможно отмѣнить его безъ потрясенія всего государства. Долго огромное большинство дворянъ не могло себѣ и представить, что можно бы жить безъ крѣпостныхъ. Съ теченіемъ времени, однако, помѣщикамъ все труднѣе становилось повышать требованія отъ крестьянъ. Оброки при неумѣренномъ повышеніи раззоряли оброчниковъ. Съ другой стороны оказывалось, что, пожалуй, барщинный трудъ крѣпостныхъ уже вовсе не такъ выгоденъ. Подневольный трудъ всегда мало производителенъ, и плохое качество барщинной работы вошло даже въ поговорку. Содержать круглый годъ крѣпостныхъ, зимою для работъ ненужныхъ, становилось иногда явно убыточно. И вотъ рядомъ съ помѣщичьими имѣніями, гдѣ была барщина, являются имѣнія, въ которыхъ крѣпостныхъ отпускаютъ на оброкъ, а вся господская запашка производится вольнонаемнымъ трудомъ. Мысль, что для владѣльцевъ земли невыгоденъ крѣпостной трудъ, а выгоднѣе трудъ вольнонаемный, стала мало

по малу распространяться въ средѣ самихъ помѣщиковъ. Безъ сомнѣнія, эта мысль, какъ и многое другое, подготовляла умы къ предстоящему вскорѣ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Чрезвычайныя событія показали правительству, что, не рѣшаясь на отмѣну крѣпостного права, оно рискуетъ гораздо больше, чѣмъ если рѣшится на освобожденіе. Въ 1855 году Россія втянулась въ войну съ западными державами, Франціей, Англіей и ихъ союзниками. Союзныя войска вторгнулись съ моря въ Крымъ и осадили Севастополь. И вотъ война показала, что русское государство къ этой войнѣ совершенно не было приготовлено, хотя заботы о военномъ могуществѣ составляли главный предметъ вниманія правительства. Вооруженіе, приготовленное на казенныхъ заводахъ, оказалось негоднымъ предъ новымъ усовершенствованнымъ оружіемъ враговъ; пути сообщенія плохи; вслѣдствіе взяточничества и злоупотребленій въ неустроенныхъ войскахъ, не обезпеченныхъ кровомъ и пищей, появились повальныя болѣзни, и т. д. Незамѣтные герои—простые русскіе солдаты—безропотно умирали, защищая со славою Севастополь, но война была безнадежно проигра-

на. Императоръ Николай I скончался 18 февраля 1855 года, сраженный неудачею. Его преемникъ, Александръ II, въ 1856 году заключилъ миръ и долженъ былъ прежде всего думать о мѣрахъ къ возстановленію правильнаго хода государственныхъ дѣлъ. Для того, чтобы Россія могла стать снова въ одинъ рядъ съ европейскими державами, необходимы были коренныя преобразованія въ управленіи, въ завѣдываніи государственнымъ хозяйствомъ, въ судѣ,— нужны были коренныя мѣры для подъема хозяйственнаго благосостоянія страны. И въ первую очередь само собою стало уничтоженіе ненавистнаго волновавшемуся народу крѣпостного права.

V.

Крѣпостное право и русскіе писатели.

Съ того самаго времени, какъ утвердилось крѣпостное право, люди съ умомъ и сердцемъ не могли не видѣть, что этотъ порядокъ владѣнія людьми ведетъ за собою неизбѣжно многочисленныя злоупотребленія и рано или поздно долженъ пасть. Такъ, уже при Петрѣ Великомъ писатель его времени Иванъ Посошковъ, въ своей книгѣ „о скудости и богатствѣ“ государства, предвидѣлъ освобожденіе: „Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно“...

Во времена Екатерины II уже многіе писатели касались въ своихъ сочиненіяхъ бѣдственнаго положенія крѣпостныхъ. Такъ, въ свое время производили большое впечатлѣніе сообщенія о жизни крѣпостного лю-

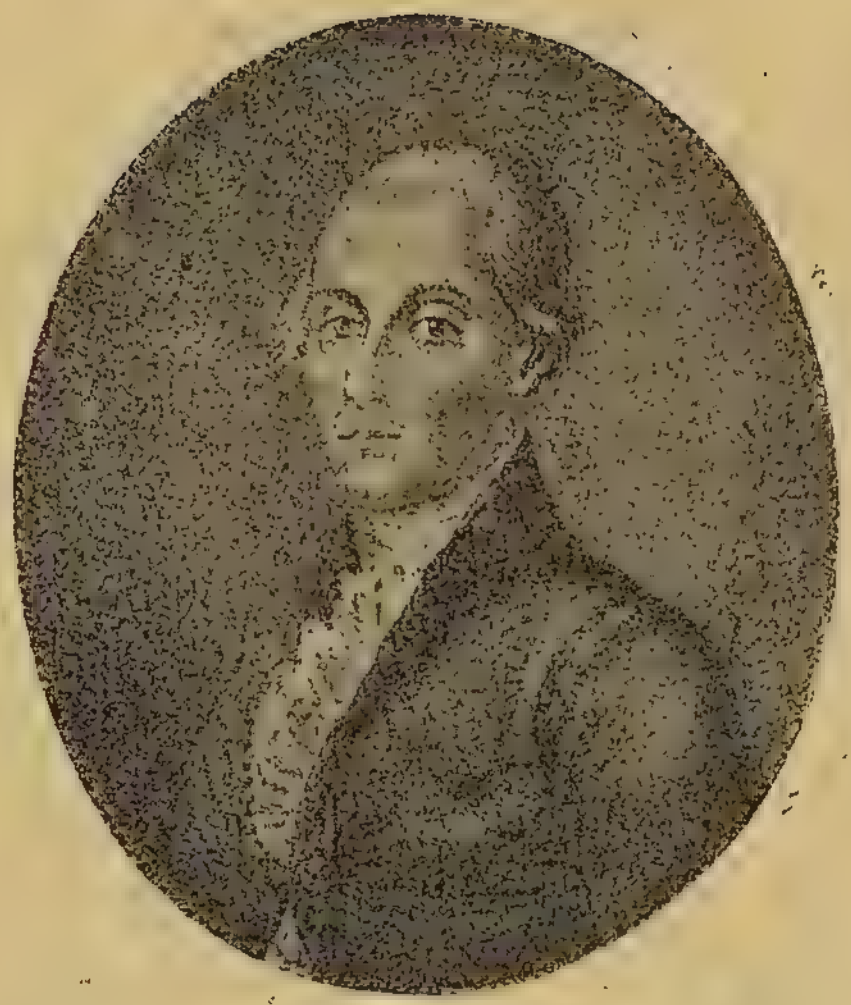
да, которыя появлялись въ журналахъ замѣчательнаго дѣятеля (въ области народнаго просвѣщенія и общественной благотворительности) Николая Ивановича Новикова (1744—1818 г.). Отдѣльныя темныя черты крѣпостного быта изображены въ комедіи Фонъ-Визина „Недоросль“ и у нѣкоторыхъ другихъ писателей. Но самое сильное изображеніе крѣпостныхъ нравовъ, безпощадное обличеніе ихъ было дано въ 1790 г. въ книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ Александра Николаевича Радищева (1749—1802).

Въ этомъ произведеніи Радищевъ собралъ всѣ извѣстные ему, болѣе или менѣе обычные, случаи и роды злоупотребленій помѣщичьей власти, изложилъ ихъ въ порядкѣ дорожныхъ станцій отъ етербурга до Москвы, и горячо выражалъ чувство негодованія, вызываемое зрѣлищемъ страданій народа. Радищевъ разсказывалъ, какъ бѣдствуютъ крѣпостные подъ непосильной барщиной; какъ подвергаютъ ихъ жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ; ругаются надъ честью женщинъ и принуждаютъ къ браку поневолѣ; какъ продаютъ людей съ публичнаго торга. Изображена также тяжкая участь крѣпостныхъ, которымъ по барскому капризу иногда давалось хорошее образованіе: они только тяжелѣе чувствовали ужасъ неволи, и т. д.

„Можетъ ли государство—спрашивалъ Радищевъ:—гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи?“ Радищевъ указывалъ на опасность для мирной жизни государства рабства и предлагалъ способы освобожденія крестьянъ, сначала личнаго, а потомъ и надѣленія ихъ землею.

Книга Радищева произвела огромное впечатлѣніе, но навлекла также на себя гнѣвъ Государыни, усмотрѣвшей въ сочиненіи личные противъ себя намеки. Радищевъ былъ преданъ суду за намѣреніе бунта, выраженное де книгою, но и подъ страхомъ пытки онъ говорилъ въ защитукрестьянъ, и въ своихъ показаніяхъ писалъ: „описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые поступаютъ съ ними жестокосердно“... Смертный приговоръ суда былъ замѣненъ Радищеву десятилѣтней ссылкой въ отдаленныя мѣста Сибири, откуда онъ былъ возвращенъ въ слѣдующее царствованіе. При Александрѣ I онъ предъ смертью также писалъ о необходимости освобожденія крестьянъ.

Число такихъ бойцовъ противъ крѣпост-



АЛЕКОАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ.
(1749—1802).

ного права росло въ средѣ образованнаго общества. Когда по смерти Императора Александра I вспыхнуло 14 декабря 1825 года возстаніе, то выяснилось, что среди „декабристовъ“, какъ названы были участники этого возстанія, мысль о необходимости отмѣны крѣпостного права вполнѣ созрѣла.

Съ этого времени нѣтъ почти ни одного выдающагося писателя, который не выразилъ бы такъ или иначе отвращенія своего къ крѣпостному праву. Извѣстно напр. стихотвореніе Пушкина: „Деревня“, которое заканчивается знаменитымъ воззваніемъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?!

Эта мечта о паденіи рабства занимаетъ умы лучшихъ русскихъ людей и писателей на протяженіи многихъ десятилѣтій. Тайная и явная проповѣдь мысли о свободѣ крестьянъ съ особой силой проявилась въ русскомъ обществѣ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. Объ этомъ говорили въ университетахъ ученые, какъ К. Д. Кавелинъ, или Грановскій въ московскомъ университетѣ, проф. Мейеръ въ казанскомъ универси-

тетѣ и т. п. Знаменитый литературный критикъ Бѣлинскій въ одномъ письмѣ къ Гоголю съ неподражаемой силой выразилъ свое отвращеніе къ крѣпостному рабству и всему строю русской жизни, связанному съ рабствомъ, и тогда не было, по свидѣтельству современника—ни одного учителя гимназіи, который не зналъ бы этого письма наизусть.

Но еще сильнѣе возбуждали мысль о свободѣ крестьянъ нѣкоторыя литературныя произведенія той поры. Такъ, поразили рус. скихъ читателей разсказы Д. В. Григоровича „Деревня“ и „Антонъ-Горемыка“, яркими красками изображавшіе безнадежно горькую участь крѣпостной деревни. О томъ же говорили стихотворенія только что входившаго въ славу Некрасова.

Но больше всего и по заслугамъ прославились тогда разсказы Ивана Сергѣевича Тургенева (1818—1883 г.) „Записки охотника“.

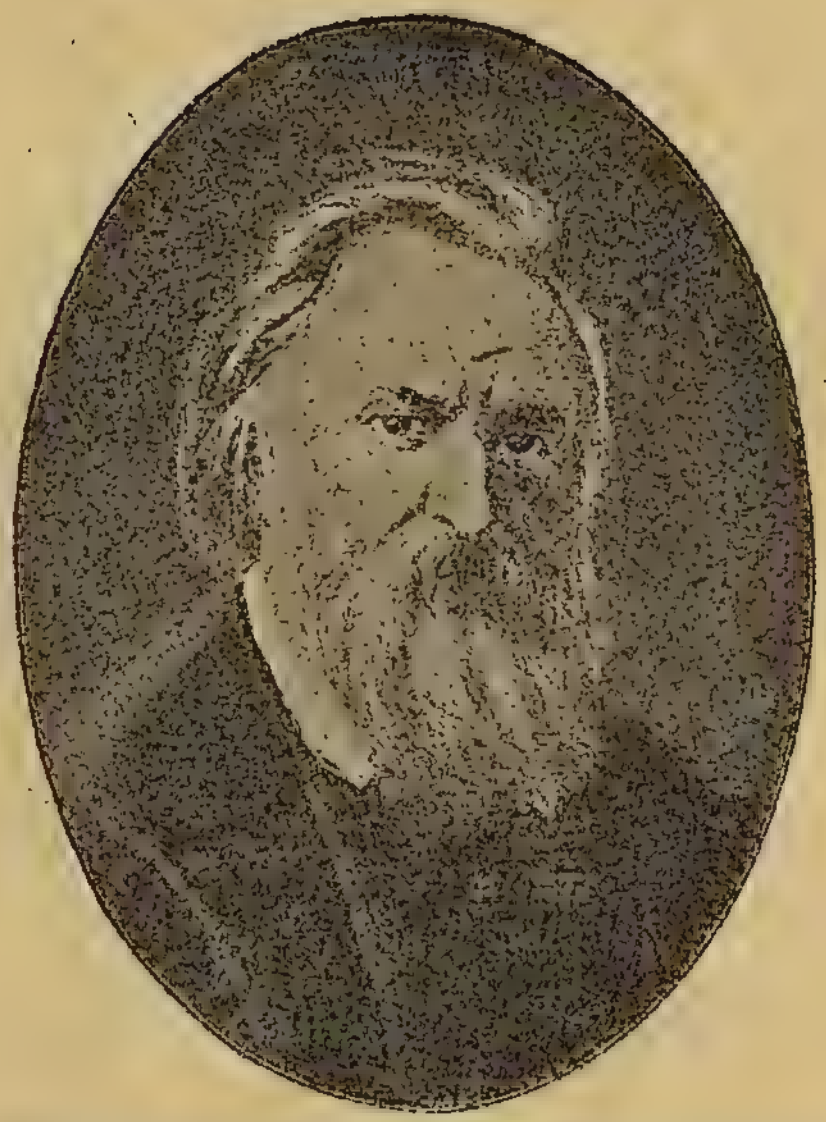
Знаменитый писатель въ дѣтствѣ и молодости насмотрѣлся, чѣмъ было крѣпостное право для дворовыхъ и крестьянъ. Его мать, богатая помѣщица Орловской губерніи, отличалась крутымъ взбалмошнымъ нравомъ и привыкла срывать всякую мелочную свою досаду и непріятность на безот-

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.
(1818—1883).

вѣтныхъ людяхъ. Юноша Тургеневъ, подобно многимъ другимъ людямъ той поры, далъ клятву непримиримой вражды къ ненавистному порядку. „Записки охотника“ были исполненіемъ этой клятвы. Но въ разсказахъ своихъ, написанныхъ большей частью заграницей, Тургеневъ говоритъ не столько о томъ, что было ужаснаго и отвратительнаго на крѣпостной родинѣ, сколько о томъ, чѣмъ стала она мила ему. Съ глубокой искренней любовью писатель разсказывалъ читателямъ о своихъ встрѣчахъ съ простыми людьми, крестьянами и дворовыми, объ ихъ обыденныхъ заботахъ, дѣлахъ и маленькихъ тревогахъ. Напоминаніе, что эти добрые простые люди, понятные и дорогіе каждому человѣку съ сердцемъ,—всѣ „рабы“, глубоко волновало и трогало читателей, какъ укоръ совѣсти. „Записки охотника“ рисовали также множество обыденныхъ случаевъ про людей, жизнь которыхъ въ конецъ испорчена крѣпостными порядками. Мелкопомѣстный дворянинъ, самъ почти крестьянинъ, горячо полюбилъ крестьянскую дѣвушку, но она чужая крѣпостная, ее нельзя вырвать отъ жадной барыни, и дѣло кончается общимъ несчастьемъ („Петръ Петровичъ Каратаевъ“). Старый дворовый, прозвищемъ Сучокъ, перебывалъ у разныхъ

господъ и былъ на своемъ вѣку то кучеромъ, то поваромъ, то рыболовомъ, то актеромъ, то казачкомъ, то садовникомъ—все по господскому приказу, и наконецъ, самъ на себя смотритъ какъ на вещь какую нибудь („Льговъ“)... Съ другой стороны Тургеневъ рисуетъ и тѣхъ, кто распоряжается несчастными „рабами“. Вотъ бурмистръ забралъ въ руки безтолковаго своего барина и безпощадно раззоряетъ крестьянъ; начальникъ конторы, при помощи которой управляется большое помѣстье, тоже деретъ деньги съ живого и мертваго и отнимаетъ невѣсту у своего подчиненнаго („Контора“ и „Бурмистръ“). Наконецъ, писатель рисуетъ и помѣщичьи нравы. Онъ показываетъ, сколько безсознательной жестокости проявляютъ даже лучшіе изъ нихъ, какіе нибудь господа Звѣрковы, которые не позволяютъ дворовымъ жениться и выходить замужъ, чтобы дѣти не мѣшали порядку („Ермолай и Мельничиха“). А сколько такихъ, что любятъ послушать, какъ на конюшнѣ сѣкутъ людей, и пр.

Горькая, но простая правда разсказовъ Тургенева, когда они появились въ одной книгѣ, глубоко поразила читателей. Впослѣдствіи Государь Александръ II велѣлъ сказать



АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ.
(1812—1870).

Тургеневу, что „Записки охотника“ были однимъ изъ главныхъ двигателей его рѣшенія приступить къ освобожденію крестьянъ.

Изъ другихъ писателей, содѣйствовавшихъ скорѣйшему разрѣшенію все того же вопроса, должно особо упомянуть Александра Ивановича Герцена (1812—1870). Незадолго до „Записокъ охотника“ имъ было написано также нѣсколько произведеній, касавшихся вопіющихъ сторонъ крѣпостного быта. Но гораздо важнѣе было то обстоятельство, что Герценъ, оставившій въ 1847 году родину и въ нее уже не возвращавшійся, заграницей издавалъ рядъ сочиненій для обличенія и борьбы противъ злоупотребленій власти въ Россіи, и въ томъ числѣ противъ крѣпостного порядка. Когда въ 1853 году Герценъ устроилъ въ Лондонѣ первую свободную русскую типографію, первое, что онъ напечаталъ въ ней, былъ призывъ къ освобожденію крестьянъ. Въ 1857 году, наканунѣ того, какъ правительство объявило о своемъ намѣреніи освободить крестьянъ, Герценъ сталъ издавать безцензурную газету „Колоколъ“. Она получила довольно широкое распространеніе въ Россіи и самое существенное, о чемъ она горячо и правдиво говорила, было опять таки освобожденіе крестьянъ

Газета сообщала во всеобщее свѣдѣніе, чрезъ многочисленныхъ корреспондентовъ изъ Россіи, о всѣхъ мѣрахъ правительства по этому предмету разбирала ихъ, указывала наилучшіе пути и способы, отстаивала особенно горячо освобожденіе крестьянъ съ землею. Голосъ Герцена безъ всякаго сомнѣнія былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ во время хода освободительныхъ работъ. Онъ увлекалъ за собою и направлялъ мнѣніе весьма многихъ выдающихся и высоко полезныхъ работниковъ дѣла освобожденія.

VI.

Ходъ освобожденія крестьянъ.

30 марта 1856 года, въ рѣчи къ московскому дворянству, Александръ II произнесъ знаменательныя слова: „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само начнетъ отмѣняться снизу“. Но еще въ въ 1857 году въ одной частной бесѣдѣ Государь жаловался: „крестьянскій вопросъ меня постоянно занимаетъ, надо довести его до конца, я болѣе чѣмъ когда либо рѣшился, и *никого* не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ“.

И дѣйствительно, среди высшихъ, окружавшихъ Государя, правительственныхъ лицъ были почти исключительно люди, враждебные какимъ бы ни было преобразованіямъ. Дѣятельнѣйшими помощниками его явились люди, стоявшіе на вторыхъ ступеняхъ чиновной лѣстницы.

Учрежденный въ 1857 году и составленный изъ высшихъ сановниковъ секретный „Особый комитетъ“ 18 августа „пришелъ къ положительному убѣжденію, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ“ и полагалъ придумать планъ постепеннаго освобожденія въ теченіе многихъ лѣтъ. Однако, дѣло двинулось гораздо быстрѣе. Въ Петербургъ пріѣхалъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ мнѣнія дворянства трехъ западныхъ губерній, которое желало ввести у себя нѣкоторыя правила объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами. 20 ноября 1857 г. на имя Назимова послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, которымъ дворянству этихъ губерній разрѣшалось образовать особые комитеты для обсужденія мѣръ къ „улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ“. Этимъ разумѣлось ихъ освобожденіе. По мысли друзей освобожденія Вел. Князя Константина Николаевича, министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго и его правой руки Николая Алексѣевича Милютина, объ этомъ было оповѣщено дворянство и чисто русскихъ губерній.

Первымъ откликнулось нижегородское дворянство. Произошло это подъ вліяніемъ тогдашняго нижегородскаго губернатора Алек-

сандра Николаевича Муравьева (родился въ 1792, ум. въ 1863 году). Въ молодости онъ принадлежалъ къ кругу декабристовъ и тогда уже былъ противникомъ крѣпостного права. Послѣ суда надъ декабристами Муравьевъ былъ сосланъ въ Сибирь, но дослужился съ годами до губернаторства. Въ Нижнемъ Муравьевъ встрѣтилъ поддержку со стороны молодого образованнаго дворянства, въ которомъ были воспитанники московскаго университета. 17 декабря 1857 года послѣ рѣчи Муравьева нижегородское дворянство составило адресъ на имя Государя съ выраженіемъ готовности исполнить Высочайшую волю. Подписали адресъ 128 лицъ, и въ тотъ же день Муравьевъ отправилъ адресъ съ нарочнымъ Государю. Это добровольное заявленіе о готовности освободить крестьянъ было радостно встрѣчено Государемъ, и 24 декабря было разрѣшено образовать первый губернскій комитетъ изъ представителей дворянства для обсужденія способовъ освобожденія. За нижегородскимъ дворянствомъ откликнулось 7 января 1858 года дворянство московское, а затѣмъ и дворянства другихъ губерній мало по малу послали свои заявленія о томъ же.

Въ началѣ 1858 года „особый комитетъ“

былъ преобразованъ въ „Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу“. Дѣйствія Главнаго Комитета были также сначала нерѣшительны и явно клонились къ замедленію работъ, къ продленію, если состоится освобожденіе, временнаго срочно-обязаннаго положенія, то есть къ продолженію зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, и наконецъ къ обезземеленію крестьянъ. Въ этомъ духѣ и была составлена программа для занятій губернскихъ комитетовъ.

Оказалось, что большинство членовъ этихъ комитетовъ вовсе не сочувствовали освобожденію, которое были избраны обсуждать. Какъ докладывалъ въ 1859 году министръ Ланской Государю, „тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ, подъ разными видами“ было почти во всѣхъ комитетахъ, и во многихъ изъ нихъ этого направленія держалось большинство. Такъ было въ комитетахъ воронежскомъ, костромскомъ, курскомъ, тамбовскомъ, въ большинствѣ комитетовъ тульскаго, рязанскаго, владимирскаго, московскаго, нижегородскаго, симбирскаго, вологодскаго и новгородскаго. Представители этого мнѣнія старались провести ту мысль, что если освобождать крестьянъ, такъ пусть правительство или они сами вы-

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

купять личную свою свободу; стремились сохранить въ томъ или иномъ видѣ барщинный трудъ, или такъ или иначе ограничить крестьянскіе надѣлы. Другое мнѣніе—также не въ пользу крестьянъ—полагало, что освободить крестьянъ слѣдуетъ безъ земли, а помѣщикамъ необходимо дать особыя вотчинныя права надъ крестьянами; это мнѣніе высказано было въ петербургскомъ комитетѣ и имѣло своихъ видныхъ сторонниковъ въ средѣ лицъ приближенныхъ къ Государю и въ средѣ „Главнаго Комитета“. Наконецъ третье мнѣніе—о необходимости полнаго уничтоженія крѣпостного права и объ обезпеченіи освобождаемыхъ крестьянъ землею—было высказано большинствомъ членовъ въ тверскомъ, харьковскомъ и кіевскомъ комитетахъ, а также меньшинствомъ членовъ во многихъ другихъ комитетахъ, особенно въ самарскомъ, тульскомъ, рязанскомъ, владимирскомъ и симбирскомъ.

Такимъ образомъ дѣло освобожденія двигалось при явномъ противодѣйствіи со стороны враговъ его. Оно пошло легче, когда товарищемъ министра Ланскаго былъ назначенъ энергичный и горячо преданный освобожденію Милютинъ. Въ это же время получило особый вѣсъ вліяніе члена Глав-

наго Комитета Якова Ивановича Ростовцева (род. въ 1803 г., ум. 1860 г.). Онъ былъ давно лично извѣстенъ Государю, какъ начальникъ военноучебныхъ заведеній, и пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ. Ростовцевъ вошелъ въ Комитетъ, мало знакомый съ дѣломъ. Онъ раздѣлялъ многія предубѣжденія и опасенія крѣпостниковъ, запугивавшихъ Государя. Но онъ сталъ добросовѣстно и съ любовію изучать новое, порученное ему, дѣло и мало по малу сдѣлался горячимъ защитникомъ полнаго освобожденія крестьянъ и серьезнаго ихъ обезпеченія. Свои новыя понятія Ростовцевъ передавалъ Государю съ жаромъ убѣжденнаго человѣка, ничѣмъ, кромѣ высокаго чувства долга и любви къ родинѣ, не заинтересованнаго.

Осенью 1858 года Главный Комитетъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, совѣщавшагося постоянно съ Ростовцевымъ и Ланскимъ, котораго руководилъ Милютинъ, установилъ уже новую гораздо болѣе широкую программу преобразованій. Было признано, что крестьяне должны сразу получить личную свободу отъ власти помѣщиковъ безъ всякаго выкупа; освобождаемые должны стать срочно-обязанными до того времени, когда выкупятъ у помѣщика землю.

какая будетъ имъ опредѣлена въ пользованіе, а самый выкупъ долженъ быть произведенъ ими при содѣйствіи правительства. Одновременно были приняты мѣры къ тому, чтобы помѣщики въ ожиданіи освобожденія крестьянъ съ землею не старались ихъ обезземелить, для чего были ограничены права на ссылку въ Сибирь, на отдачу въ рекруты, на отпускъ на волю, и на продажу для переселенія.

Съ конца 1858 года въ министерство внутреннихъ дѣлъ стали поступать проекты губернскихъ комитетовъ. Эти проекты сначала разбиралъ и приводилъ мнѣнія комитетовъ въ порядокъ земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго былъ Милютинъ. Въ началѣ 1859 года, 13 февраля, были образованы, наконецъ, при Главномъ Комитетѣ такъ называемыя *редакціонныя комиссіи*. На нихъ было возложено наиболѣе сложное и отвѣтственное дѣло— именно составленіе проекта Положенія объ освобождаемыхъ крестьянахъ.

Предсѣдательствованіе въ этихъ комиссіяхъ было возложено на Ростовцева. Въ число членовъ этихъ комиссій, кромѣ чиновниковъ, какъ Милютинъ и Я. А. Соловьевъ (оставившій записки о занятіяхъ комиссій),

ЯКОВЪ ИВАНОВИЧЪ РОСТОВЦЕВЪ
(1803—1860).

были приглашены, какъ члены-эксперты (свѣдущіе люди), нѣсколько неслужащихъ дворянъ. Изъ послѣднихъ особо выдавались Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій, какъ дѣятельнѣйшіе помощники и сотоварищи по единству взглядовъ съ Милютинымъ и Ростовцевымъ. Большинство въ комиссіяхъ было на сторонѣ полнаго и возможно льготнаго для крестьянъ освобожденія. Занятія комиссій начались 4 марта. Самый существенный вопросъ, какой занялъ комиссіи, былъ о размѣрахъ надѣловъ. Губернскіе комитеты хотѣли урѣзать у крестьянъ почти половину ихъ существовавшихъ надѣловъ. Сначала комиссіи рѣшили оставить крестьянамъ существующіе надѣлы, если только они не оказывались черезчуръ велики или черезчуръ малы. Члены комиссій смотрѣли на свою дѣятельность, какъ на защиту интересовъ крестьянства. Отстаивая редакціонныя комиссіи отъ безчисленныхъ нападокъ, Ростовцевъ писалъ въ это время Государю: „комиссіи иногда наклоняли вѣсы на сторону крестьянъ, и дѣлали это потому, что наклонять вѣсы потомъ отъ пользы крестьянъ къ пользѣ помѣщиковъ будетъ и много охотниковъ и много силы, а наоборотъ будетъ дѣйствовать некому“. Въ концѣ концовъ,

подъ вліяніемъ голосовъ, противодѣйствовавшихъ преобразованію, редакціонныя комиссіи все таки вынуждены были значительно ограничить свои предположенія.

Смерть Ростовцева (6 февраля 1860 г.) была тяжелымъ ударомъ для всѣхъ друзей преобразованія. Уже тяжко больной Ростовцевъ почти до смертнаго часа продолжалъ заниматься дѣломъ, ставшимъ ему дороже жизни, и послѣднія его слова, сказанныя посѣтившему его Государю, были: „Государь, не бойтесь!“.

На мѣсто Ростовцева былъ назначенъ завѣдомый врагъ освобожденія графъ Паниинъ, но онъ не могъ уже остановить и передѣлать основныхъ работъ редакціонныхъ комиссій.

13 октября 1860 г. работы редакціонныхъ комиссій были закончены. 1 ноября Государь принялъ членовъ комиссій и благодарилъ ихъ за работу, но замѣтилъ, что въ работахъ ихъ „можетъ быть придется многое измѣнить“. Эти измѣненія, дѣйствительно, были сдѣланы въ Главномъ Комитетѣ, но сравнительно съ тѣмъ, чего добивались крѣпостники, не очень значительныя; такъ, въ концѣ концовъ, въ среднемъ крестьянскіе надѣлы были урѣзаны не болѣе, какъ

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ.
(1818—1872).

на одну пятую часть. Во главѣ Комитета въ это время стоялъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ.

28 января 1861 г. началось обсужденіе проекта Положенія о крестьянахъ въ Государственномъ Совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ самого Государя. Онъ заявилъ въ рѣчи, при открытіи засѣданій, что дѣло должно быть окончено въ первой половинѣ февраля и освобожденіе объявлено къ началу полевыхъ работъ, и просилъ „не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ, и улучшеніе не на словахъ голько и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ“. Большинство членовъ Совѣта было враждебно настроено къ проекту положенія, выработанному редакціонными комиссіями. Государь обыкновенно давалъ силу мнѣнію меньшинства. Но большинству удалось провести дальнѣйшія сокращенія надѣловъ (для нѣкоторыхъ уѣздовъ) и, кромѣ того, былъ допущенъ такъ называемый четвертной или „нищенскій“ надѣлъ (принятіемъ его крестьяне сразу освобождались отъ всякихъ отношеній къ помѣщику и отъ выкупа земли).

19 февраля 1861 г. проектъ положенія былъ подписанъ Государемъ и сталъ закономъ.

VII.

Объявленіе воли.—Послѣдствія освобожденія крестьянъ.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ и Положеніе были объявлены въ столицахъ 5 марта, а затѣмъ постепенно и въ остальной Россіи.

Пространно написанный манифестъ содержалъ краткій обзоръ исторіи всего дѣла, и излагалъ, каковы отнынѣ станутъ отношенія между помѣщиками и крестьянами, впредь до совершеннаго прекращенія связей между ними. Помѣщики сохранили право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, но должны были предоставить въ пользованіе, за установленныя повинности, усадьбы и опредѣленное въ положеніяхъ количество полевыхъ угодій. Крестьяне должны были оставаться временно-обязанными, впредь до выкупа ими усадебъ и земли, послѣ чего становились свободными крестьянами-собственниками. Выкупъ отведенной въ пользованіе

земли былъ сдѣланъ добровольнымъ, при содѣйствіи правительства.

Далѣе манифестъ говорилъ о пожертвованіяхъ дворянства, дѣлаемыхъ при отпускѣ на волю крѣпостныхъ, призывалъ крестьянъ къ сохраненію полнаго порядка и оканчивался извѣстнымъ воззваніемъ: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго!“.

Манифестъ былъ написанъ языкомъ мало понятнымъ простому народу. Трудно было сразу понять, въ чемъ состоитъ новый порядокъ. Съ того времени, какъ приступъ къ освобожденію былъ, опубликованіемъ рескрипта 20 ноября, объявленъ во всеобщее свѣдѣніе, крестьяне терпѣливо ждали воли. Но понятно, что ожиданія ихъ были сильно преувеличены. Для разъясненія истиннаго смысла положеній 19 февраля мѣстныя власти созывали сходы. Но часто крестьяне не вѣрили этимъ разъясненіямъ, и мѣстами начались волненія. Пошли тамъ и сямъ толки, что власти читаютъ „облыжный“ манифестъ, что господа скрыли „настоящую“ волю со всею помѣщичьей землею, безо всякихъ повинностей. Крестьяне отказывались повино-

ваться помѣщикамъ и властямъ и требовали „чистой“ воли, о которой толковали малограмотные читатели манифеста. Одинъ изъ такихъ толкователей, раскольничій начетчикъ, крестьянинъ Антонъ Петровъ, въ селѣ Бездиѣ Казанской губерніи, вычиталъ изъ манифеста и положеній столько небывалыхъ льготъ, что перемутилъ цѣлый уѣздъ, и дѣло кончилось усмиреніемъ бунта военною силою и разстрѣляніемъ Антона Петрова.

Лишь постепенно крестьянство оглядѣлось въ новомъ порядкѣ и оцѣнило великое значеніе преобразованія, освобождавшаго его отъ наиболѣе тягостной, личной зависимости и рабской подчиненности. Для введенія новыхъ порядковъ очень важна была тогда дѣятельность мировыхъ посредниковъ, новой должности, учрежденной одновременно съ введеніемъ Положенія. Въ число ихъ охотно шли, особенно въ первое время по освобожденіи, лучшіе образованнѣйшіе люди на мѣстахъ. Такъ, въ числѣ мировыхъ посредниковъ было напр. нѣсколько человѣкъ декабристовъ, возвращенныхъ въ 1857 году изъ ссылки въ Сибирь; мировымъ посредникомъ былъ одно время Левъ Николаевичъ Толстой, и др. Внимательно и съ любовью къ крестьянству разбирая столкновенія помѣщиковъ и

крестьянъ, мировые посредники быстро двинули составленіе уставныхъ грамотъ, и дальше движеніе крестьянскаго дѣла совершалось въ общемъ спокойно.

Чрезвычайныя надежды на волю возлагали тогда не одни крестьяне, но и образованная часть русскаго общества и печать. Первые шаги правительства по пути преобразованія (въ 1858 г.) были встрѣчены необыкновенно радостно, какъ вѣсть обѣтованія. Во время хода освободительныхъ работъ, въ печати много говорилось о наилучшихъ способахъ освобожденія, изображалось положеніе крестьянства подъ крѣпостнымъ игомъ, и т. п. Какъ упомянуто выше, особое значеніе имѣлъ „Колоколъ“ Герцена, свободно говорившій о реформахъ и дававшій иногда цѣнныя указанія дѣятелямъ реформы. Иное значеніе имѣли голоса газетъ и журналовъ, издававшихся въ Россіи. Они подготовляли общество къ предстоящей перемѣнѣ и много содѣйствовали тому, что само дворянство стало смотрѣть на освобожденіе, какъ на дѣло совершенно неизбѣжное и необходимое, и такимъ образомъ облегченъ былъ путь преобразованію.

Радостно и свѣтло, какъ свѣтлый праздникъ, встрѣчали волю тѣ, кто давно думалъ

о ней, ждалъ ея, какъ желанной вѣстницы русскому народу. Но...

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась—разскочилася:
Однимъ концомъ—по барину,
Другимъ—по мужику.

„Воля“ повела прежде всего къ тому, что значительная часть помѣстнаго дворянства, разбалованная даровымъ трудомъ крѣпостныхъ, не сумѣла приспособиться къ новымъ порядкамъ и условіямъ сельскаго хозяйства. Началось настоящее „оскудѣніе“ дворянства, дворянское землевладѣніе стало быстро таять, не смотря на поддержку со стороны правительства. Земли дворянъ стали быстро переходить въ другія руки, къ крестьянамъ, купцамъ и разночинцамъ, и въ настоящее время стали уже преданіемъ разсказы о былой пышной и привольной жизни въ дворянскихъ гнѣздахъ. Она развѣялась прахомъ, какъ только пало ея основаніе, неволя крѣпостныхъ.

Однако, не оправдались и надежды на предстоящее благоденствіе крестьянства, на его „свободный трудъ“.

Причиною тому были самыя условія, въ какихъ протекало преобразованіе. Оно было произведено чисто бюрократическимъ путемъ,

т. е. чрезъ чиновниковъ. Правда, это были иногда высокозамѣчательные по своимъ просвѣщеннымъ взглядамъ люди, какъ Милютинъ. Но все же они дѣйствовали, какъ чиновники, въ духѣ обезпеченія правъ и преимуществъ государственной власти, и безъ того безмѣрно сильной, и подъ давленіемъ дворянъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы преобразованіе возможно меньше потрясло ихъ имущественный интересъ. Безконечно велико и важно было то, что Манифестъ и Положенія освободили владѣльческихъ крестьянъ отъ произвола помѣщичьей власти. Еще важнѣе было основное начало реформы —освобожденіе съ землею. Но, во первыхъ, освобожденные крестьяне были сразу поставлены вмѣсто помѣщичьей опеки подъ опеку чиновничества, а во вторыхъ—самое надѣленіе землею, и по предположеніямъ закона, и по тому, какъ дѣло пошло на жизни, оказалось не обезпечивающимъ крестьянъ, а иногда прямо раззорительнымъ.

Положеніе 19 февраля было только началомъ къ тому, чтобы крестьянство стало самостоятельнымъ и равноправнымъ съ другимъ сословіемъ. Но дѣло не было доведено до конца. Въ Положеніи уцѣлѣла даже розга, и тѣлесное наказаніе для крестьянъ про-

существовало до 1904 г. Съ теченіемъ времени опека надъ крестьянствомъ была, съ введеніемъ земскихъ начальниковъ, даже значительно усилена. Она состояла и частью состоитъ въ затрудненіяхъ къ выходу изъ крестьянскаго сословія, такъ что крестьяне остались прикрѣпленными къ землѣ, въ стѣсненіяхъ по полученію паспортовъ, въ стѣсненіяхъ семейныхъ раздѣловъ и пр.

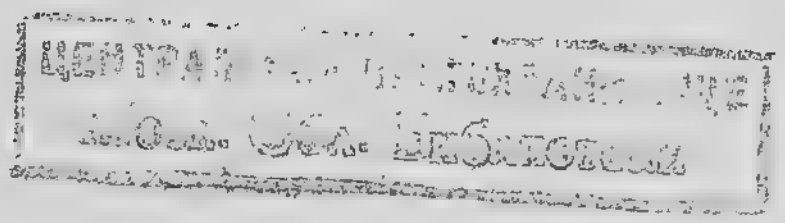
Что касается земельнаго устройства крестьянъ, существовавшіе надѣлы при освобожденіи были урѣзаны, и кромѣ того повинности и позднѣе выкупные платежи оказались слишкомъ высокими и мѣстами непосильными. Кромѣ выкупа, былъ введенъ упомянутый способъ быстраго прекращенія временно, обязанныхъ отношеній, оказавшійся особо раззорительнымъ, именно дарственный надѣлъ (названный въ народѣ сиротскимъ и нищенскимъ). Недостаточность надѣловъ, отведенныхъ весьма часто на землѣ худшаго качества, и слишкомъ высокіе платежи легли на крестьянство тяжелымъ бременемъ. Это повело къ замѣтному ухудшенію его хозяйственнаго положенія. Крестьяне стали копить громадныя недоимки по всякаго рода платежамъ и одновременно ухудшились ихъ средства къ жизни, особенно когда, вслѣдствіе од-

нообразнаго зернового хозяйства, крестьянскіе поля стали родить хуже и начался рядъ неурожаевъ и голодовокъ. Изъ этого безотраднаго состоянія крестьянское хозяйство не вышло и до настоящаго времени.

Тѣмъ не менѣе, освободивъ личность 20 слишкомъ милліоновъ крѣпостного населенія, 19 февраля 1861 года имѣло несчислимыя послѣдствія въ другихъ отношеніяхъ. Болѣе всего воспользовалась преобразованіемъ та часть крестьянства, которая издавна тяготѣла къ торговлѣ и промышленности, стѣсненнымъ при крѣпостномъ правѣ. Съ 1861 года повсемѣстно замѣчается болѣе или менѣе быстрый ростъ городского и фабрично-заводскаго населенія, разростаются города и новыя поселенія, и выходцами изъ бывшаго крѣпостного состоянія богаты ряды виднѣйшихъ капиталистовъ страны. Потомками освобожденныхъ крѣпостныхъ обогащаются также ряды дѣятелей науки, литературы и искусства. Все крестьянство отрѣшилось отъ прежняго вѣкового застоя и неподвижности, дѣятельно ищетъ знаній и упорною самостоятельною работой на всѣхъ доступныхъ ему путяхъ домогается общаго переустройства своего быта на новыхъ началахъ.

И это, конечно, стало возможно только

послѣ 19 февраля. За полвѣка прошедшихъ съ той поры, рядомъ съ этимъ числомъ *19-е февраля 1861 года* жизнь поставила и другое —17 *октября 1905 года*, день, когда насущной потребностью страны признано осуществленіе, равное для всѣхъ въ странѣ, свободъ печати, устнаго слова, совѣсти, собраній, союзовъ, а также расширеніе и упроченіе правъ народнаго представительстаа. Это признаніе началъ гражданской свободы, конечно, было немыслимо безъ свободы личной, при существованіи крѣпостного рабства. 19-е февраля подготовило 17-е октября, и поэтому также незабвенъ день 19-го февраля и священна память великихъ и малыхъ дѣятелей освобожденія крестьянъ.



Зол